

ОТЗЫВ

официального оппонента

Андрея Викторовича Вдовиченко,

д.ф.н., в.н.с. сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН,

на кандидатскую диссертацию

Алексея Олеговича КОРЧАГИНА

«ЛЕКСИКА ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В МАСОРЕТСКОМ ТЕКСТЕ И В СЕПТУАГИНТЕ»,

представленную на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14. «Классическая филология, византийская и новогреческая филология»

В рецензируемой работе автор берется за исполнение сложной задачи - поучаствовать в интерпретации разновременного, мультикультурного, многоязыкового материала, выделяя в огромном массиве данных лексику жертвоприношения в двух главных источниках, Масоретском тексте и Септуагинте.

Исследование имеет четкую структуру, ясно определенные цели и способы их достижения. Актуальность работы не подлежит сомнению, поскольку в результате лексика жертвоприношения предстает в достаточно целостном виде, оформляясь как вариант развернутого тематического словаря. Эксплицированный процесс его создания и сам результат этого процесса имеют практическую и теоретическую значимость для широкого круга специалистов и всех тех, кто интересуется вопросами интерпретации библейских текстов. Обильное использование разнообразной литературы составляет несомненное достоинство написанных автором пространных словарных статей-исследований, которые по своим свойствам стремятся к образцам, некогда заданным Реальной Энциклопедией Pauly-Wissowa.

Работа, предпринятая автором, настолько классическая и традиционная по своим методам, что любые сомнения в методологии исследования будут автоматически переадресованы самой библеистике, гебраистике и классической филологии. Поскольку их авторитеты незыблемы, то и рецензируемый труд, пребывая *sub umbraculo* (а также *in corpore*) уважаемых дисциплин, обладает априорным иммунитетом (см. заключительную часть отзыва).

И все же, поскольку инструменты исследования, а также выбор теоретической программы, в которую вписывается исследование, приняты автором по умолчанию, оставлены без обсуждения, вынесены за скобки (что позволительно для формата кандидатской работы), - позволим себе несколько замечаний, выходящих за грань самой работы. Такой шаг оправдан желанием вести заинтересованный диалог с автором, а также существующим опасением, что охраняющие работу «скобки» - классические и традиционные - ни в коем случае нельзя раскрывать, как некогда нельзя было открывать ящик Пандоры. В противном случае выход за пределы прежнего замкнутого пространства ведет к общей нестабильности нового, более обширного, объединенного, пространства.

В своем исследовании автор по умолчанию принимает строгую исследовательскую парадигму, опираясь на осязаемые понятия языка и слова. Доверяясь своему чувству, он исследует значение терминов в целевом и исходном языках, этимологию слов, связи с другими языками, производит статистический и дистрибутивный анализ, выясняя, какое семантическое пространство создается словами и языками.

Бросая взгляд за скобки, нужно констатировать гораздо меньшую строгость естественного вербального процесса, и, как следствие, выдвигаемое требование несколько редуцировать ригоризм прежней исследовательской парадигмы. Так, слова, с которыми работает автор исследования, не могут обладать собственным тождеством, поскольку в естественной коммуникации порождаются и понимаются сложные комплексы данных (акциональные коммуникативные синтагмы), а не отдельные лексемы. Именно поэтому вторичный интерпретатор, сфокусированный на единообразном слове, вынужден констатировать многозначность, сдвиги значений, переосмысление семантики и пр., вплоть до антонимических значений в рамках единой лексемы. Именно такими контр-примерами сам автор рецензируемой работы снабжает читателя, невольно обнаруживая процессы коммуникативного (а не «пословного») смыслообразования, а также подтверждая - вопреки принятому традиционному методу - несамотождественность элементов вербального процесса, взятых вне авторского коммуникативного действия.

В такой ситуации нельзя игнорировать аутентичных участников коммуникативного процесса (авторов текстов, переводчиков, аудитории, с их подлинными целями, когнитивными состояниями, спецификой коммуникативных практик и пр.). Однако здесь автору рецензируемой работы часто мешает методологический инструмент «язык», понимаемый им некритично и безусловно. В результате возникают заведомо чуждые материалу формулировки: «пословный перевод», «баланс пословной передачи и литературного языка», «варварский греческий язык», «удачный/неудачный способ перевода», «точная/неточная передача еврейского слова греческим» и пр. Все эти рассуждения вторичных интерпретаторов должны быть скорректированы в направлении аутентичных участников специфических практик, их восприятия того, что представляли собой вербальные данные, которые оценивались совсем не с точки зрения известного исследователю «греческого языка».

Здесь пример Аквилы - одного из переводчиков еврейского Закона, упомянутого автором диссертации - наиболее иллюстративен. Как известно, его «перевод» отличается сугубым варварством, пословностью, нарушениями греческой грамматики и стилистики и пр. Парадокс состоит в том, что Аквила был грекоязычным. Он знал «греческий язык» намного лучше современных вторичных интерпретаторов, которые с готовностью вменяют ему в вину (как это сделал уже Иероним), например, то, что за предлогом «*syn*» в известном фрагменте следует аккузатив. Нельзя сомневаться в том, что Аквила «был в курсе», что так делать нельзя. Он поступил так совсем не потому, что случайно ошибся или не знал, а потому, что тем самым решал совершенно иные коммуникативные задачи, передавая самоценный поэlementный состав священного текста, обеспечивая возможность интерпретации этих элементов и всего оригинального текста, раскрывая скрытые тайны Торы, и пр. Не учитывая особых коммуникативных практик и особых целей создания переводов, вторичный интерпретатор («знаток

языка») будет вынужден обвинять аутентичного автора в том, что тот не собирался делать и не делал. Так, автор рецензируемой работы зачастую не удерживается от того, чтобы похвалить переводчиков за правильный перевод, или наоборот, упрекнуть за недостаточно точное попадание греческого эквивалента в еврейский смысл. На это сам исследуемый им материал, как бы в опровержение языковых понятий автора диссертации, дает случай фонологической передачи евр. [minha] посредством [manaа]: возникает вопрос, к какому «знатоку греческого языка» обращен данный коммуникативный эпизод? Можно ли в этом случае отрицать, что переводчик видит перед собой глубоко специфическую аудиторию, заранее знающую весь семантический объем употребляемых слов - греческие они или не греческие?

Для воссоздания подлинной смыслопорождающей реальности библейских текстов очень важно иметь в виду, что аудиторией Септуагинты были не обобщенные греки («носители греческого языка», койнэ, «эллинистического греческого» и пр.), а культурно-религиозное сообщество диаспоральных иудеев. Их специфические практики общения с текстом Закона содержат в себе ответ на большинство вопросов, которые возникают к грекоподобным текстам у современного вторичного интерпретатора. Вне вполне определенных представлений об особенностях этого лингвокультурного пространства невозможно составить представление об авторах (переводчиках) и их коммуникативных действиях в конкретных эпизодах. Границы таких пространств, которые застаёт исследователь в эллинистическом мире, не совпадают с условно принятыми границами «языков». Так, в иудейской общине Александрии (где создавалась Септуагинта) роль «обыденного языка», безусловно, исполнял какой-то набор вербальных клише, принятых в различных сегментах коммуникации. Это можно назвать александрийским греческим языком, или вариантом эллинистического койнэ, и пр. Однако этот «общий язык» отодвигается в тень на фоне особых лингвистических практик, связанных с чтением и изучением грекоподобного текста Писания. В этой ситуации отсылки к «подлинно греческим значениям терминов» и «греческому языку», сделанные автором диссертации, имеют столько же смысла, сколько, например, отсылки к современному русскому языку при интерпретации ныне используемых в богослужении РПЦ церковнославянских языковых клише. Несмотря на сосуществование в едином хронотопе, русские и церковнославянские вербальные клише являются принадлежностью отдельных и независимых практик, и интерпретируются отдельно.

В вопросах определения статуса вербальных действий вторичному интерпретатору следует признавать безусловный приоритет участника лингвокультурной ситуации над описательной схемой («языком»). «Язык» представляет собой по сути набор вспомогательных мнемотехнических приемов систематизации естественной коммуникативной деятельности (так, автор еврейского текста или переводчик из числа Семидесяти не пользовались понятиями пород, а доподлинно знали, в каких коммуникативных ситуациях и какими вербальными клише следует пользоваться, в то время как исследователь пытается навязать им собственное табличное знание. Следует заметить, что вторичный интерпретатор не может знать «язык» лучше, чем непосредственный участник лингвокультурного пространства. Вторичное знание «языка» представляет собой

мнемотехническую схему, позволяющую с различной мерой успешности **систематизировать** то, что аутентичному участнику было известно непосредственно, без привлечения опосредующих схем).

Еще одним движением, приоткрывающим ящик Пандоры, может стать сомнение в этимологии как эвристическом методе. Автор рецензируемой работы пользуется им постоянно, рассматривая его как **главный** познавательный инструмент. Драматизм теоретической ситуации состоит в том, что лексемы в естественном коммуникативном процессе (в т.ч. в письменном тексте) полностью деэтимологизированы. Это представляет собой одну из констант естественного вербального процесса. Что делать с многочисленными опытами подведения этимологических данных под заранее известный итог (как поступали в своих этимологиях Платон и стоики), не вполне понятно. Вероятно, следует просто признать этимологизирование риторическим упражнением.

Между тем все сказанное ранее о достоинствах рецензируемой работы и о ее вписанности в авторитетную научную традицию не подлежит сомнению. Диссертация полностью соответствует пп. 9. 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней и является научно-квалифицированным исследованием, в котором содержится решение задачи - дать характеристику лексики **жертвоприношения** в Масоретском тексте и Септуагинте. Работа значима как для классической филологии, так и для филологической науки в целом, полностью **отвечает** требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 «Классическая филология, **византийская** и новогреческая филология». Ее автор несомненно заслуживает присвоения искомой степени.

Ведущий научный сотрудник
сектора теоретического языкознания
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института языкознания РАН (125009
Москва, Б. Кисловский пер., 1 стр.1, к.
34; тел. +74956903585), профессор
кафедры теории и истории языка
филологического ф-та ПСТГУ, доктор
филологических наук

07.06.2016

А.В. Вдовиченко

Подпись А.В. Вдовиченко заверяю

Оппонент 1

Вдовиченко Андрей Викторович

уч. степень: доктор филологических наук

уч. звание: —

должность: ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания

место работы: ФГБУН Институт языкознания РАН

адрес: 125009 Москва, Б. Кисловский пер., 1 стр.1, к. 34;

телефон: +7 (495) 6903585

e-mail: anlvdo@mail.ru

Последние публикации:

1. Вдовиченко А.В. Атомистический принцип в концептуализации естественного вербального процесса: телесность алфавита и «языка» // Вопросы философии, 2014 №6 С. 39-52.
2. Вдовиченко А. В. «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти Ю.С. Степанова. М.: ИЯз РАН, 2013. С. 314-322
3. Вдовиченко А.В. Подражание и коммуникативное действие в поэтическом тексте // Критика и семиотика. М.-Новосибирск, 2015 (1). С. 398-407.
4. Вдовиченко А.В. Платон о пагубности поэзии для души. К вопросу о дискурсивной интерпретации поэтической формы // Вестник ПСТГУ: Филология 3 (43). М., 2015. с. 48-58.
5. Вдовиченко А.В. Мифы единства «языка» и языковой идентичности. Раннее христианство и русский мир // Диалог со временем, 2016 (55). С. 5-19.